

6. Wittgenstein L. Philosophical investigations. N.Y., 1953.
7. Jespersen O. A modern English grammar on historical principles. V. 1—7. Copenhagen, 1909—1936.
8. Hjelmslev L. Prolegomena to a theory of language / Translated by Whitfield F.J. Madison, 1969.
9. Parallel distributed processing: Explorations in the microstructures of cognitions. V. 1—2 / Ed. by Rumelhart D.E., McClelland J.L. Cambridge (Mas.), 1987.
10. Grammatische Kategorien: Funktion und Geschichte // Hrsg. von Schlerath B., Rittner V. Wiesbaden, 1985.
11. Labov W. Resolving the Neogrammarian controversy // Language. 1981. V. 57.
12. Priebisch R., Collinson W.E. The German language. London, 1948.
13. Bloomfield L. Initial *k* in German // Language. 1938. V. 14.
14. Braune W. Zur Kenntnis des Fränkischen und zur hochdeutschen Lautverschiebung // SGDSG. 1874. Bd 1.
15. Lehmann W.P. A structural principle of language and its implications // Language. 1973. V. 49.
16. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. 1—2. Тбилиси, 1984.
17. Gamkrelidze Th. Language change and diachronic linguistics // Preprints of the plenary session papers. XIV International Congress of linguists. B., 1987.
18. Oxford English dictionary. V. 1—13 / Ed. by Murray J.H. et al. Oxford. 1888—1928.
19. Paul H. Deutsche Grammatik. Bd 4—5. Halle, 1916—1930.
20. Meillet A. Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes. P., 1937.

Леман В.П.

Перевела с английского Азарова Н.М.

Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев: Наукова думка, 1988. 240 с.

Автор монографии — известный философ, занимающийся проблемами теоретического языкознания. С.А. Васильев справедливо отмечает, что многие проблемы, поставленные еще в 20-е годы, не получили окончательного лингвистического решения или объяснения. Например: 1) Почему синтез значений эталонных языковых знаков дает в итоге смысл, который не сводится к сумме этих значений? 2) Почему вырванное из контекста слово утрачивает "верхние" пласты речевого смысла, сохраняя только его устойчивое ядро — лексическое значение, которое и фиксируется в словарях? 3) Принадлежат ли текстовые элементы, функциональное значение которых проявляется только за пределами предложения, и их функции к языку или же язык полностью исчерпывает свои полномочия лишь предложением, а в тексте отношения между этими элементами регулируются уже иными — неязыковыми механизмами?

С.А. Васильев справедливо полагает, что языковая компетенция не исчерпывается способностью строить и понимать осмысленные предложения, она включает также владение механизмом сверхфазового анализа и синтеза (с. 47—51). Исходя из этого, С.А. Васильев ставит целью исследовать закономерности и структуры человеческого мышления, данного в интересующих

активных и наблюдаемых формах текста. В основе этого замысла лежит его убеждение, что все попытки "схватить" и изучить мысль в ее идеальных, не отягощенных языковой материей формах неизбежно основаны на целом ряде неосознаваемых, а значит неконтролируемых, абстракций.

Книга С.А. Васильева состоит из введения (с. 3—10), трех глав (с. 11—226), заключения (с. 227—228) и списка литературы (с. 229—238).

В первой главе ("Текст и язык. Способ существования языка", с. 11—52) — самой краткой в монографии и целиком "языковедческой", хотя данные проблемы волнуют и философов, — нашли отражение наиболее болезненные и, можно сказать, "вечные" вопросы современного теоретического языкознания: как философ понимает соотношение "язык—речь" и проблему объективации мысли, сущность языка как системы абстрактных знаков-эталонов, разграничение "знаков языка" и "знаков речи", проблему языка как отражения регулярностей в тексте и, наконец, язык как предмет научного описания.

Во второй главе ("Тексты и предметный мир человека", с. 53—134), рассматриваются сущностные характеристики и границы текстов, проблемы смысла в текстах и смысла в предметном мире, соотношения невербальных знаков и текстов.

В третьей главе ("Средства и механизмы смыслообразования в тексте", с. 135—226), самой полной по своей завершенности и самой "когнитивно-философской" главе, исследуются вопросы синтеза смысла, категорий мышления, связанности и уровней понимания текста.

Рассмотрим содержание книги по наиболее важным проблемам.

1. Понятие "знак". Если, с одной стороны, считать, что в знаке обе стороны психичны (Ф. Соссюр) и связаны ассоциативной связью, то коммуникация и обмен информацией невозможны посредством языка, поскольку такие знаки не могут восприниматься другими людьми: они принадлежат сознанию и как идеальные сущности ненаблюдаемы. С другой стороны, если считать, что знак материален (В.З. Панфилов) и, следовательно, знаки языка суть физические сущности, то коммуникация опять-таки оказывается невозможной, потому что воспринимающее сознание просто не сможет их узнать, отождествить их с теми знаками, которые уже встречались раньше, или наоборот, не сможет отличить их от других знаков. Таким образом, материальные знаки не могут быть введены в сознание в силу их вещественности, "телесности", следовательно, материально-знаковое "языковое" мышление невозможно. Как пишет С.А. Васильев, коммуникация невозможна при любом из двух отмеченных выше допущений относительно онтологического статуса знаков, и тем не менее коммуникация осуществляется. В этом суть парадокса, основания которого кроются в недостаточно последовательном размежевании языка и речи. Этот парадокс может быть устранен, если мы признаем раздельное существование двух различных классов явлений — знаков языка и знаков речи (текста). Последние всегда материальны в том смысле, что их планом выражения служит физическая субстанция. Но они имеют и план содержания — присущий им смысл. Речевые (текстовые) знаки никогда не бывают абсолютно тождественными между собой. Тождественными или различными они становятся благодаря знакам языка — абстрактным представителям речевых знаков в сознании, эталонам, в соответствии с которыми воспринимается и воспроизводится речь. Именно абстрактность, "идеальность" языковых знаков обеспечивает их функционирование как эталонов (образцовых знаков) и придает им своеобразный "сакральный" характер. "Без знаков языка невозможны знаки речи, и наоборот" (с. 29). Идея автора состоит

в том, чтобы признать "двойное бытие" всякого знака, причем в каждом из них (в языке и речи) он двухсторонен, т.е. имеет форму и содержание. Связь между знаком языка и знаком речи выражается оппозицией "инвариант—вариант" или "эталон—экземпляр". Только признание такой "двуликости" (а в конечном счете — "четырёхликости") знака дает реальную почву для объяснения процессов порождения и понимания текстов (с. 109). Реализуя отношение "инвариант—вариант" или "эталон—экземпляр", неограниченно тиражируя эталон, речевая деятельность устраняет несоответствие между конечным множеством знаков языка и неограниченным множеством их текстовых вариантов. "Необходимая грань" между знаком и высказыванием, между языком и текстом оказывается фикцией (с. 124—125).

2. Понятие "язык". При овладении языком в сознании человека, воспринимающего речь, откладываются прежде всего наиболее часто повторяющиеся, наиболее существенные для эффективной коммуникации элементы и структуры, а все случайное, второстепенное забывается (с. 32). Овладение языком возможно двумя путями: через тексты, в которых реализуется изучаемый язык, и через тексты, в которых он описывается. Однако первоначальное овладение родным языком происходит путем вовлечения в непосредственное речевое общение, т.е. на основе знакомства с письменными и устными текстами, создаваемыми средствами родного языка (с. 35). Исходя из этого, С.А. Васильев делает вывод о трех способах существования языка. 1) Язык существует в сознании в виде системы абстрактных эталонных элементов (знаков), используемой говорящим для упорядочивания и оформления материальной субстанции (речи, текста. — К.А.) с целью передачи смысла, а слушающим — для распознавания в этой организованной материи речевых знаков с целью овладения смыслом речевого произведения. 2) Язык существует в тексте как свое инобытие, т.е. как некоторые "регулярности", повторяемые и соотносящиеся друг с другом аспекты текста, которые сами по себе языком еще не являются, но становятся им в результате абстрагирующей работы членов коллектива. Язык в тексте существует так, как инвариант существует во множестве своих вариантов или как идея существует во множестве своих предметных воплощений. Вне

отношения к языку текст оказывается лишь звуковым шумом. 3) Язык существует в тексте как предмет научной реконструкции и описания. Во всех трех случаях язык выступает в разных своих ипостасях. Бытие языка в сознании еще не значит, что носители языка "знают" его и могут сообщить о его устройстве и механизмах функционирования. Если бы это было так, то не нужна была бы и лингвистика как наука. Единственный способ проникнуть в "языковое" сознание — анализ и моделирование наблюдаемой речевой деятельности и ее готовых продуктов — текстов (с. 35—36)¹.

3. Понятие "речь". Несмотря на бесконечное разнообразие звуков, произносимых говорящим, только ограниченное число их имеет связь с передаваемым смыслом (в каждом языке по-разному). Эти факты подтверждают мысль, что звуки принадлежат не языку, а речи, которая несет в себе не только общие, социально значимые элементы, но также и все индивидуальные особенности (с. 17): Речь — это "множество высказываний, ...единство двух субстанций — материальной (звуковой, физической) и духовной (смысл, который является речевым или текстовым эквивалентом мысли, сознания)" (с. 18). Язык как нечто социальное и коллективное по своей природе реализуется в речи, которая, следовательно, содержит в себе и социальное, и индивидуальное. В противном случае она не могла бы быть понятой другими людьми (с. 29—30).

4. Взаимоотношение "язык — речь". Речь материальна, тогда как язык представляет собой систему абстрактных сущностей (с. 16). Языку принадлежат не звуки, а фонемы, понимаемые как набор смысло-различительных признаков. Звуки принадлежат не языку, а речи, которая несет в себе не только общие, социально зна-

чимые элементы, но также и индивидуальные особенности (с. 16). Всякая законченная мысль (суждение, умозаключение) находит свое выражение в речи. Мысль, объективированная в речи (в тексте), выступает как ее смысл, тогда как языку принадлежат значения, абстрагированные из речи (с. 17). Важно понять эту «диалектическую соотношенность языка и речи, их нестождественность и в то же время такое присутствие в другом, при котором каждый член оппозиции, даря себя другому, растворяется в нем и утрачивает признаки своего специфического бытия, становясь "другим самого себя"» (с. 32—33). Язык понимается именно как идеальная, а не материальная сущность. Это автор доказывает тем, что отдельные сегменты речевого выражения должны быть известны как значимые единицы (слова); такая возможность возникает лишь в том случае, если в сознании реципиента имеются эталоны, с которыми сопоставляются отдельные отрезки речевой цепи (с. 23—24). Что первично, а что вторично в дихотомии "язык — речь"? Речь оказывается все-таки первичной по отношению к языку. Ребенок вырабатывает свой язык на основе восприятия чужой речи, он "...должен собственными усилиями реконструировать язык, который лежит в основе этих произведений. Другого способа не существует" (с. 30). Системой лексических значений язык обращен к предметному миру, по отношению к которому лексика выступает как классификационная система, а своим фонемным составом язык соприкасается по каналам органов чувств со звучащей материей речи, вычленив в ней изолированные сегменты в качестве речевых единиц, т.е. тоже классифицирует ее. Двуплановость языковых знаков — не случайный и второстепенный факт, она образует самую сущность сознания, поскольку благодаря такой двусудной природе знака происходит "...перекачка смысла из сферы практической деятельности в сферу речевой коммуникации, и наоборот. Индивидуальный опыт становится достоянием всего общественного коллектива, а коллективный опыт формирует индивида как мыслящую личность" (с. 31).

5. Взаимоотношение "язык — мышление". Из признания дихотомии "язык — речь" неизбежно следует новая постановка

¹ Не отрицая правомерности и различения двух типов "языка в тексте" (п. 2, 3), мы полагаем, что это один и тот же "язык", но в первом случае он существует для "человека с улицы", во втором — для лингвиста. Поэтому мы видим лишь два способа существования языка: "язык в мозгу" и "язык в тексте". Другой формы существования и проявления любого естественного языка кроме как потенциальной системы в мозгу и как реализованной системы в тексте, по-видимому, не существует" [1].

старой проблемы взаимоотношения языка и мышления, т.е. вопрос должен быть поставлен дифференцированно: в каком отношении человеческая мысль находится к речи и в каком — к языку (с. 14—15). Проблема взаимоотношения языка и мышления принадлежит к числу тех "вечных" вопросов человеческого бытия, которые каждая эпоха ставит по-новому, исходя не только из добытых научных знаний, но также из новых ценностных ориентаций человека. Каждая эпоха наполняет эти термины более богатым и конкретным содержанием. Отсутствие однозначных и общепринятых определений этих понятий — не временная трудность, а показатель прогрессирующего познания, когда едва установленные границы тут же нарушаются и познающее сознание вновь вынуждено ставить казалось бы уже решенный вопрос. (с. 12—13).

Лингвисты давно заметили, что смысл целого высказывания больше суммы значений образующих его слов. Но как возникает этот смысловой "довесок"? Возникает нечто новое в мысли, чего вне отношений в тексте не было ни в одном из соотносящихся элементов (с. 8). Человек каким-то образом умеет извлекать из текстов тот смысл, который не выражен в них эксплицитно с помощью языковых значений. Чтобы понять высказывание, мало владеть языком и его лексическими значениями, нужно, кроме того, знать смысл человеческих поступков и действий. Не правила грамматики являются решающими для понимания текста, а "правила действительности" (с. 173). Сейчас уже невозможно отстаивать точку зрения, согласно которой процесс мышления осуществляется только в формах естественного языка [2], а результат мыслительной деятельности объективируется только в вербальных текстах. Вербализация мыслительных процессов у человека зашла столь далеко, что очень трудно отделить предметное мышление от речемыслительных процедур, связанных с оперированием знаками. Мысль должна существовать до знаков, иначе не возникали бы трудности в подборе соответствующих словесных знаков. Исследование различий между предметным и знаковым мышлением затруднено неразработанностью критериев, по которым можно отличать знаки от предметов, не являющихся знаками (с. 94—104).

6. Взаимоотношение "речь—мышление". Когда К. Маркс пишет, что «на "духе"» самого начала лежит проклятие быть отягощенным материей, которая выступает

здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков, — словом, в виде языка» [3], то он имеет в виду речь, т.к. современная ему лингвистика не знала терминологического различия между языком и речью. Именно речь есть "практическое действительное сознание". Когда в процессе речевого общения собеседники производят и воспринимают колебания материальной (воздушной) среды, они не передают друг другу свою готовую мысль, а индуцируют ее в сознании партнера каждый раз заново. Но чтобы это было возможно, звуковой поток (речь) должен быть некоторым образом организован, упорядочен в соответствии с той знаковой системой (языком), которой сообщая владеют (и используют) оба коммуниканта.

7. Взаимоотношение "язык—логика". В связи с тем, что человек, как пишет С.А. Васильев, мыслит средствами естественного языка, то и суждение, "...понимаемое как смысл соответствующего предложения, приобретает структуру, определяемую грамматикой данного языка. Вопреки распространенному убеждению, обнаружить формы мышления, общие для всех людей и в этом смысле универсальные, не удастся. Они различаются у носителей разных языков, что, впрочем, не мешает им выражать тончайшие оттенки смысла". (с. 162).

8. Понятие "текст". К свойствам текста С.А. Васильев относит: 1) зависимость от языка; 2) информативность, наличие в нем некоторого сообщения (смысла); 3) наличие в тексте единства двух субстанций — материальной и духовной; 4) объективацию мысли и языка автора в тексте, причем последний представлен в своем произведении гораздо полнее и многообразнее, чем адресат (с. 57—60); 5) отсутствие формальных признаков в определении границы текста; 6) связанность текста, обеспечивающую его единство и целостность (с. 63—64).

9. Взаимоотношение "язык—текст". Язык, как и любую абстракцию, нельзя воспринимать органами чувств, он присутствует в тексте не как предмет или вещь "наряду" с другими текстовыми феноменами, а как их внутренняя упорядоченность и закономерность, обнаруживаемая только благодаря деятельности сознания (с. 32). Язык и текст взаимно определяют и конституируют друг друга, и в историческом плане они развиваются параллельно. Но регулярность, наблюдаемая в текстах, еще не есть язык, а только его прообраз, нуждающийся в интеллектуальной обработке, и

вместе с тем она (регулярность) уже не язык, а нечто большее, поскольку объективирована в материальной субстанции. Словарь и грамматика как составляющие языка ненаблюдаемы, они "работают" как абстрактные идеальные сущности. Если речь идет о текстах, в которых реконструируются составные части языка, то в этом смысле "словарь" и "грамматика", конечно, наблюдаемы. Не существует принципиального различия между текстами, с одной стороны, и словарями и грамматиками, с другой, хотя все они имеют специфические структурные и языковые особенности (с. 34—35). Текст ориентирован на творческое восприятие. Его автор намеренно прячет некоторые текстовые связи или вообще отказывается от них, создавая взамен смысловые мостики в области подтекста². Тем самым он заставляет читателя включить в действие неосознаваемое, сотрудничать с ним и чувствовать себя соучастником творческого процесса и, следовательно, получать от этого удовольствие и радость первооткрывателя (с. 168).

В то же время С.А. Васильев, исследуя взаимодействие между языком и текстом, пишет, что а) состав и структура языка обусловлены, в первую очередь, корпусом текстов, служащих базисом для его формирования, поскольку инвариант определяется множеством своих вариантов; б) язык зависит от тех принципов и постулатов, которыми руководствуется исследователь, когда решает, какие текстовые явления должны отражаться в языке, а также второстепенны, случайны и принадлежат индивидуальным особенностям речи (с. 42).

10. Взаимоотношение "текст — мышление". С.А. Васильев пишет, что вынесенная за пределы индивидуального человеческого сознания, объективированная в материальной среде мысль обнаруживает себя как смысл текста. В этом случае, по его мнению, нельзя уже принять утверждение, что "в тексте нет смысла", что остаются только чернильные пятна на бумаге либо колебания воздуха. Смысл — не вещь, а отношение тождества и различия, поэтому его нельзя зафиксировать никакими приборами. Если тексты никто не понимает, то с их помощью не происходит сравнения мыслей двух коммуникантов, они утрачивают смысл и перестают быть текстами, хотя полностью сохраняется их материальная оболочка (с. 19—20). Таким обра-

зом, смысл — это текстовый аналог мысли, это "иноебытие" мысли, когда она объективируется в тексте. Поэтому тексты являются самым удобным полем исследования человеческого мышления (с. 21). Поэтому текст имеет статус "материального носителя смысла", "непосредственной действительностью мысли" (с. 22). С.А. Васильев находит противоречие у В.З. Панфилова, считающего, что, с одной стороны, "идеальная сторона языковых единиц не может существовать вне мозга человека", "вне мыслящего субъекта, вне сознания", с другой, "происходит вынос идеального за пределы сознания" в "материальной форме" речевых произведений, идеальное существует в данной "материальной форме", но и то лишь как возможность [5]. Однако С.А. Васильев сам же разделяет эту точку зрения: мысль существует и в сознании, и в тексте, но в тексте он ее называет "смыслом" текста, в тексте всегда есть смысл, иначе это не текст, а лишь чернильные пятна. На самом деле отношение "текст — мышление" гораздо сложнее. В связи с этим возникает несколько вопросов: может ли мысль быть "вынесена" за пределы человеческого сознания, ведь она — идеальный продукт мозга, родившийся в результате материальных процессов в нейронных связях человеческого мозга и, следовательно, как была, так и остается принадлежностью только мозга? С этой точки зрения в тексте не должно быть "мысли", называемой "смыслом". Тогда что же в нем есть, если мы "понимаем", "угадываем", "расшифровываем" ту мысль, которая возникла в голове собеседника, не "заглядывая" в его мозг?

11. Взаимоотношение "текст — мир". Взаимоотношение между текстом и остальным миром С.А. Васильев видит в следующем. 1) Тексты, подобно всем прочим вещам, материальны, что и обеспечивает их воздействие на органы чувств человека ("средний термин", который связывает разрозненные сознания). 2) Текст, как и остальной мир, осмыслен, текст создается, чтобы объективировать мысль автора, вынести ее за пределы индивидуального сознания и представлять как смысл, подлежащий усвоению другими людьми (с. 81). 3) Все знаковые построения вторичны по отношению к предметному миру. От адресата к адресату передается (sic!) не сама вещь, а смысл, делающий данную вещь предметом, закрепленным в лексических значениях языка. 4) Само первичное осмысление мира человеком осуществляется при помощи текстов (с. 88). Но тексты, в от-

²Эта проблема была поставлена на материале русских причинно-следственных конструкций с позиций формальной логики в работе [4].

личие от прочих предметов матерьяльного мира, имеют два смысловых уровня: а) "смысл-сообщение", т.е. то, что хотел сказать автор, — это наиболее устойчивая часть смысла; б) "смысл-ценность", т.е. смысл, в каком-то отношении внешний, вторичный по отношению к сообщению, — автор не властен над этим смыслом, так как в его образовании принимает участие все общество (с. 93).

Невербальные средства в вербальном тексте привычны для нашего сознания. В вербальном тексте принимают участие такие смысловые "блоки", которые не имеют знаковой природы. Слово своим значением не исчерпывает всего того, что хочет сказать автор, а выступает в роли проводника, который выводит сознание читателя (слушателя) из "тесного пространства лингвистически упорядоченных знаков в широкий мир внеязыковых смыслов" (с. 100). В образовании смысла целого текста принимают участие смысловые элементы данного текста и смысловые элементы, находящиеся за пределами текста, "предсуществующие, но не воспроизводимые в нем" (с. 227).

Итак, С.А. Васильев рассматривает проблемы знака, языка, речи, мышления, текста, логики, некоторые проблемы взаимодействия этих аспектов коммуникативно-мыслительной деятельности, которые рецензентом специально выделены в рецензируемой книге и обобщены как наиболее важные проблемы теоретического языкознания: мы имеем дело с аспектами вербальной коммуникации, где каждый из них — это одно по отношению к данному, но уже другое по отношению к другому. Между этими аспектами коммуникативно-мыслительной деятельности человека оказалось невозможным провести четкую грань, так как каждый из этих феноменов в какой-то степени закономерно повторяет себя в другом (например, понятие "знак" входит в понятие "язык", "язык" содержится в "речи", "речь" — это одно и то же, что и понятие "текст", понятие "мысль" или "мышление" в какой-то степени отождествляется с "текстом", "речью" и т.д.). Однако мы попытались содержание монографии "разложить" по проблемам и их взаимосвязям (оглавление книги не совпадает с этим проблемами), представить их в определенной системе, что, по нашему мнению, должно в "очищенном" виде облегчить их понимание.

В некотором роде эта книга уникальна: в ней рассматриваются, хотя с разной степенью полноты, почти все основные проблемы "механизма" функционирования

языка. Разумеется, в одной монографии до конца они не могли быть решены. Поэтому на некоторые проблемы, очень важные для теории языкознания, исследование которых вело бы к более полному их познанию, мы хотели бы обратить внимание автора:

1) Если язык локализован в сознании и дважды в тексте, то почему мы должны считать, что язык в трех точках локализован равнозначно? 2) Если "индивидуальное" как одна из характеристик речи должно входить в речь и если речь — это текст, а и восприятию смысла текста важно лишь социальное, то какую роль играет в тексте индивидуальное? 3) Если речь первична по отношению к языку, то за счет чего она генерируется? Если язык обусловлен корпусом текстов, служащих базисом для языка, то откуда появляется сам текст? 4) Если в материи речи мысль не передается, а индуцируется в сознании слушающего (читающего), то правомерно ли утверждать, что речь, текст являются хранилищем смысла? 5) Если на уровне текста "работают" иные средства, не входящие в язык, то откуда эти средства появились, где их источник и как они относятся к данному языку? 6) Если отрицать общечеловеческий характер мышления и считать, что логические формы зависят от формы национального языка, то как, например, суждение может быть более высокой абстракцией по сравнению с предположением (фразой), т.е. быть общечеловеческим? 7) Если язык в тексте — это внутренняя, ненаблюдаемая закономерность текста и если текст — это инобытие мысли, то, называя текст "средним термином" между языком и мыслью, как бы автор мог построить силлогизм на основе этих трех терминов? Ведь и "средний термин" входят и больший, и меньший термины (язык и мысль)! 8) Если смысл целого высказывания всегда больше суммы значений составляющих его элементов, то откуда появляется "дополнительный" смысл? Каково соотношение "вербального" и "невербального" мышления?

Как видим, книга С.А. Васильева не свободна от некоторых противоречий. Но главная заслуга С.А. Васильева состоит в том, что он, будучи философом, а не лингвистом, поставил и обнажил сложнейшие вопросы современного теоретического языкознания и в какой-то степени дал им новое, во многих случаях более глубокое, нетривиальное толкование. Эта книга продвигает наши представления о сущности и механизмах языка (и связанных с ним различных его специфических аспектов) да-

лее того, что нам было известно до сих пор, даст много пищи для размышлений о сущности языка, его устройстве, механизмах его функционирования, о связях и взаимодействиях различных аспектов речевой коммуникации. Книга, безусловно, будет стимулировать дальнейшее исследование проблем, поставленных в ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кривоногов А.Т. К вопросу о соотношении "языка" и "речи" // Межъязыковые коммуникативные связи и научно-технический перевод. Орел, 1983. С. 3.

2. Кривоногов А.Т. Мышление — без языка? Экономия языковой материи — закон процесса мышления // ВЯ. 1992. № 2
3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. 2-е изд. Т. III. М., 1955. С. 29.
4. Кривоногов А.Т. К интеграции языкознания и логики (На материале причинно-следственных конструкций русского языка) // ВЯ. 1990. № 2.
5. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982. С. 105—106.

Кривоногов А.Т.

Французско-русский словарь активного М.: Русский язык, 1991. 1056 с.

Мы не всегда достойным образом оцениваем большое, общекультурное значение хороших, тщательно разработанных двуязычных словарей. Между тем это значение очень велико. Именно об этом говорил Л.В. Щерба, выдвигая положение, согласно которому для каждого языка необходимо создавать четыре типа двуязычных словарей [1]. Например, французско-русский и русско-французский для русских и русско-французский и французско-русский для французов.

Рецензируемый словарь по своему содержанию относится к первому образцу французско-русских словарей. К тому же он является словарем активного типа: по словам авторов, "в нем язык перевода известен читателям меньше, чем исходный язык... в него включены комплексные статьи, обобщающие или описывающие некоторые специфические трудности русского языка или перевода на русский язык с французского (с. 5). Словарь подобного типа выпускается в первые. Это результат большого труда русских и французских исследователей. Вместе с тем богатейший материал словаря дает возможность поразмышлять над некоторыми теоретическими и практическими вопросами лексикографии.

К таким вопросам можно отнести старую и вечно новую проблему соотношения слова, словосочетания, фразеологии и контекста. Как это ни парадоксально, в некоторых направлениях 60—80-х годов можно было встретить утверждение, будто бы слово не является основной единицей языка. Аргументация: мы говорим не словами,

типа. Под. ред. Гака В.Г., Триомфа Ж.

а целыми предложениями, а то и целыми "блоками". Однако, как правило, слово сохраняет свою самостоятельность и в системе предложений, и в системе речевого общения¹. Разумеется, вопрос о соотношении между словом, словосочетанием и контекстом в разных речевых стилях может быть различным. В свое время Ю.Н. Тынянов в интересной книге "Проблема стихотворного языка" писал о "тесноте стихотворного ряда" [3]. А позднее Л.И. Тимофеев в не менее интересной книге "Слово в стихе" вновь обратился к проблеме самостоятельности значения слова [4].

Рецензируемый словарь лишний раз убеждает в справедливости данного положения: слово сохраняет свою самостоятельность несмотря на всю сложность своего функционирования в речи. Именно этой сложностью объясняется принцип построения словарной статьи в четыре "слоя": 1) "для каждого отдельного значения французского слова даются... общие, внеконтекстуальные переводы; 2) заглавное слово в словарной статье преподносится в словосочетаниях и переводится указанным при нем общеизвестным эквивалентом (*l'ère musulmane* "мусульманская эра, мусульманское летоисчисление", но *avant notre ère* "до нашей эры"); 3) заглавное слово в словосочетании, в переводе которого используются варианты, не указанные ранее (*escalade* "влезание, подъем, карабкание, восхождение" и ср.: *l'escalade d'un mur* "влезание на стену, перелезание через стену"); 4) слово в краткой

¹См. об этом подробнее в статье [2].